

УДК 821.161.1.02(051)
DOI 10.17223/18137083/58/5

Е. Н. Проскурина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Газета «Литературная Сибирь» (1933–1934):
к проблеме формирования соцреалистического канона ***

Рассматривается история малоизвестной сибирской газеты «Литературная Сибирь», издававшейся в Новосибирске в 1933–1934 гг. Анализируются причины ее создания и короткой публикационной судьбы. Исследуется содержательный план издания, определяется круг авторов. Показывается доминирующая роль литературно-критического материала, где ведущее значение отведено статьям-призывам, построенным по единой агональной модели высказывания. Итогом исследования стал вывод о том, что в «Литературной Сибири» оказались отражены основные тенденции литературной жизни страны накануне Первого съезда советских писателей. Публикации газеты служат новым подтверждением того факта, что, по существу, к началу 1930-х гг. соцреалистический канон был уже сформирован не только в центре страны, но и в таком дальнем ее регионе, как Сибирь.

Ключевые слова: сибирская периодика, газета «Литературная Сибирь», литературный авангард, соцреализм, агональная риторика, публицистический дискурс.

Новосибирскую газету «Литературная Сибирь» можно отнести к так называемым фантомным изданиям, известным большей частью по названиям, а не по содержанию в силу их малой доступности [Жилякова, 2016, с. 147]. Полная подшивка «Литературной Сибири» обнаружена нами лишь в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Из истории создания газеты известно, что она была печатным органом-спутником журнала «Сибирские огни» с коротким периодом выхода в свет: 1933–1934 гг. У этого обстоятельства есть несколько причин. Возможно, основная из них та, что «Литературная Сибирь» создавалась как вспомогательный орган по отношению к главному сибирскому «толстому» журналу в целях подготовки

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; motive@philology.nsc.ru)

Первого съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 г. (17 августа – 1 сентября). Проблема, однако, в том, что свое существование она прекращает в самый разгар подготовки съезда: последний ее номер датирован 9 мая 1934 г. – до завершения намеченной ею программы, изложенной в первом номере: «“Литературная Сибирь” должна сыграть большую роль в подготовке к всесоюзному съезду писателей и краевой конференции» [27 сентября..., 1933]. Пост ее главного редактора занял А. Высоцкий, до этого – главный редактор «Сибирских огней» (1930–1932). Бывший РАППовец, Высоцкий после роспуска в 1932 г. всех литературных организаций, пытаясь доказать свою верность новому литературному курсу, становится рьяным проводником единого метода соцреализма. Его назначение на должность главного редактора «Литературной Сибири» во многом определило лицо газеты.

Изначально предполагался ежемесячный выход издания. Однако в 1933 г. появился лишь один номер, в 1934 – семь номеров. В определенной степени это объяснимо издательским контекстом самой эпохи – не только времени массовых гонений, но и многих инициатив, ознаменовавшихся в Сибири появлением целого ряда «оборванных» изданий: журналы «Сибирь» (1925–1926), «Книжная полка» (1926–1929), «Настоящее» (1928–1930), «Просвещение Сибири» (1926–1935) и др. так же внезапно, как и «Литературная Сибирь», закончили свой выход и лишь частично выполнили намеченную программу. Показательно то, что большая часть изданий, начатых в 1920-х гг., завершила свое существование к началу 1930-х. Это объясняется подготовкой «перестройки литературно-художественных организаций», состоявшейся в 1932 г., о чем извещало постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. На страницах «Сибирских огней» оно появилось в следующем месяце, и уже в июне 1932 г. все писательские организации Западной Сибири были распущены и создан единый Западно-Сибирский оргкомитет Союза советских писателей во главе все с тем же А. Высоцким (см.: [Якимова, 1994, с. 95 и далее]).

На содержательно-тематическом уровне доминирующими в газете стали материалы, относящиеся к сфере литературной критики¹. Среди авторов-критиков здесь появляются имена Г. Вяткина, В. Итина, В. Вегмана, Ис. Гольдберга, Г. Павлова, А. Куликова, Н. Кудрявцева, И. Ерошина, Г. Пушкарева, К. Урманова, Ал. Сафронова, Б. Шляева и др., активно сотрудничающих в это время с журналом «Сибирские огни». Широта авторского состава не отразилась, однако, на тематике литературно-критического материала. В основном это статьи-призывы, построенные по единой агональной модели высказывания, агитирующие к созданию произведений «о героических днях», «новой социалистической Сибири», «Большом Новосибирске», «героическом комсомоле». «Орудийная» функция этого риторического приема проявляется в том, что писателям часто диктуются темы произведений, традиционно не соотносящиеся со сферой художественной литературы: о росте парторганизаций края, о политотделах, – но входящие в новый литературный канон с его задачей отображения всех сфер «новой советской действительности». «Глубже окунуться в действительность, преодолеть элементы своеобразной литературной замкнутости, крепко сомкнуться с литкружковцами, с читателями, с массой рабочих и колхозников-ударников – вот путь творческого роста советских писателей края, вот что обеспечит новые полновзвучные произведения о делах и людях индустриальной Западной Сибири. Все возможности для этого имеются. Помощь, внимание партийной и советской общественности обеспечены в работе советского писателя. Нужен ответ писателей произведениями», – категорично заявляют авторы редакционной статьи в первом номере газеты [27 сентября..., 1933].

¹ Полную библиографию «Литературной Сибири» см.: [Проскурина, 1990].

На наш взгляд, идея создания глобального литературного образа новой, советской Сибири замыслена по образцу столичной инициативы. Именно в 1933 г. в стране начинает активно создаваться мифообраз новой социалистической Москвы, инициированный глобальным проектом «Пролетарская Москва ждет своего художника» (подробно см.: [Корниенко, 1999; Костов, 2000; Проскурина, 2015]), где предложены параметры описания столицы, соответствующие идеологии и эстетике советской культуры: «В Москве – сотни и тысячи писателей. <...> Почему они забывают, что Москва, по меткому заглавию одного из очерков Мих. Кольцова, “меняет свою репутацию”, что она стала крупнейшим индустриальным центром мира, – сетует председатель правления Московского товарищества писателей С. Динамов. – Тема Москвы – это тема боевой перестройки, тема международного звучания, тема мировой революции. <...> Но почему читатели не знают этого замечательного города, в который съезжаются люди всего мира, пытаясь понять, что же такое эта красная Москва, где Коминтерн, ЦК ВКП(б), красный интернационал профсоюзов, лучшие театры мира и пролетариат, изменивший под руководством большевиков во главе с тов. Кагановичем лицо своего города, превращающий его в образцовую столицу» [Динамов, 1933]. Нетрудно заметить, что редакционная статья в «Литературной Сибири» калькирует московский образец. Вторит ей статья Р. Эйхе «Западная Сибирь ждет писателя» в 1-м номере журнала «Сибирские огни» за 1934 г., практически дублирующая название московской публикации. Хотя оглядка на столицу началась еще с момента зарождения главного регионального журнала², созданного в 1922 г. по образцу «Красной нови», первого постреволюционного «толстого» журнала, на что прямо указывалось в одном из докладов на торжественном заседании, посвященном пятилетию «Сибирских огней»: «Мы применили план “Красной нови” к сибирским условиям» [Пятилетие «Сибирских огней», 1927, с. 203]³. В структуре выпусков «Литературной Сибири» также просматривается установка на «план» «Литературной газеты». Сама ее задача: помощь в организации Первого съезда писателей – соотносится с задачей «Литературной газеты» в период подготовки съезда, где в том же 32-м номере на первой странице публикуется программное выступление секретаря ВЦСПС А. К. Аборина «Съезд писателей – дело рабочего класса». В нем, как и в редакционной статье «Литературной Сибири», главными задачами выдвигаются включение писателей «в непосредственную практику социалистического строительства на заводе, в колхозе или совхозе», содействие «росту их художественного мастерства под лозунгом социалистического реализма», возвращение новых кадров «писательского молодняка из рядов рабочего класса и лучших ударников колхозов».

В сопутствующих материалах указанного номера «Литературной газеты» редакция помещает мнения о новой Москве советских и зарубежных авторов: Н. В. Дрожжина «Отобразим новую Москву», Т. Драйзера «Другой мир. Из книги “Драйзер смотрит на Россию”», У. Кармона «Благодаря Москве», а также статью «Книги, поэмы, пьесы о Москве» (Литературная газета, 1933, с. 3), в которой указывается малое количество произведений на московскую тематику. На первой странице первого номера «Литературной Сибири» в разделе новостей тоже есть сведения о посещении Сталинска «революционными зарубежными писателями»: «Приехали американский писатель Уолт Кармон, австралийская писательница, вице-председатель австралийской антифашистской лиги Каторина Причард, дат-

² История создания журнала со множеством интригующих подробностей описана в книге [Яранцев, 2012].

³ В Забурин в письме Ф. Березовскому от 27.03.1923 говорит, что «Сибирские огни» создавались «в противовес» «Красной нови», соглашаясь с мнением адресата в том, что «“Красная Новь” стала слаба»: «Недалеко то время, когда “Красную Новь” никто не станет читать, кроме наших “верхушек”» (см.: [Проскурина, 1994, с. 63]).

ский журналист Зигурд Лунд, испанский художник Гомец. Писатели пробудут в Сталинске около месяца. Они проведут ряд интернациональных вечеров и выпустят две газеты на английском и немецком языках» [27 сентября..., 1933]. Сценарий посещения столицы Сибири группой названных писателей представлен в фотоистории Новосибирска: «Зарубежные гости ознакомились с городом, посетили аэродром и совершили полет над Новосибирском, побывали в колхозе “Новая жизнь” Новосибирского района и на строительстве театра оперы и балета, единодушно признав, что еще не встречали такого замечательного по своему замыслу и грандиозного по размаху театрального здания. Провели ряд интернациональных встреч, совместно с писателями Новосибирска присутствовали на беседе у секретаря горкома партии т. Шварца»⁴. Масштабность этой поездки с целью ознакомиться со строительством «новой Сибири» вполне сопоставима с посещением иностранными писателями строек «новой Москвы».

Примеры тематических параллелей в материалах «Литературной газеты» и «Литературной Сибири» показывают активно формирующуюся культурно-идеологическую вертикаль: от столицы к регионам. Схожи они и своей указующей интонацией. Так, в «Литературной газете» подзаголовок «Письма из Ленинграда» состоит из реплик «съезд близок, но писатели отдыхают»; «не заставляйте зрителя скучать», «долой порочную занимательность» (Литературная газета, 1933) – «Литературная Сибирь» вторит ей призывами борьбы с «литературщиной», агитирует бороться со «словесным браком» и т. д. «Литературная газета» хвалит роман Шолохова «Поднятая целина» – «Литературная Сибирь» помещает большую статью о нем с названием «Незаменимая книга»; «Литературная газета» в статье О. Бескина «О поэзии Заболоцкого, о жизни и о скворешниках» ругает поэму «Торжество земледелия» за уход автора от жизни – «Литературная Сибирь» пером критика Н. Надымова осуждает поэта Вас. Непомнящих за его пейзажную лирику. Автор статьи основные претензии высказывает к интонации его стихов, где главной «краской» ему слышится «умиротворенность», стушевывающая «очертания человеческих характеров» и в итоге ведущая к «притуплению классовой бдительности комсомольского поэта» [Надымов, 1934]. «В наши дни, да еще у нас в Союзе, в Сибири, природа в былинной или библейской транскрипции, природа, как объект умиротворенных созерцаний не звучит» [Там же], – заключает Надымов. В этой реакции на строки поэта: «Там ель в богатырке, / В папаше сосна, / Былинный покой. / Ширина, ширина» [Там же], – мерцает отзвук программного высказывания идеолога Пролеткульта А. Гастева: «Мы идем к невиданно объективной демонстрации вещей... *не знающей ничего интимного и лирического*» [Гастев, 1919] (курсив наш. – Е. П.).

Пролеткультовская риторика с ее установкой на массовость, коллективность, главенство объективного над субъективным во многом обусловила формирование соцреалистического идеологического, литературно-критического дискурса, из сферы «просвещения масс» все больше смещающегося в область управления культурой, творчеством (подробно см. [Левченко, 2001]). Лозунговый пафос, ведущий в «левом» искусстве 1920-х гг. – колыбели соцреализма, трансформируется в нем в административно-командный. В этом можно усмотреть не столько «вектор эволюции» авангардного искусства в целом, как пишет об этом Х. Гюнтер в статье «Художественный авангард и социалистический реализм» [Гюнтер, 2000], сколько процесс его вырождения. Идеологизированность авангарда, берущая начало в искусстве Пролеткульта, сочеталась тем не менее со свободой художника, что, в отличие от Пролеткульта, сдвигало его в сферу элитарного искусства. Однако установление идеологической однозначности, все более активное

⁴ История Новосибирска в датах // Новосибирский фотоблог. URL: <http://liveblogger.ru/nsk-history-10.html>

вторжение идеологии в поэтику, прагматизация литературных текстов приводит к деформации авангардной эстетики, ее поглощению занормированной эстетикой соцреализма (см., например, работы Х. Гюнтера [2000], М. А. Левченко ⁵).

Не случайно в 1930-е гг. само слово «творчество» становится «подсудным»: его заменяют понятия «литературное ремесло», «литературная учеба» (см.: [Вьюгин, 2013]). «Мы оставляем в стороне вопрос о литературном таланте, о врожденном даровании, это вопрос неясный, нерешенный, и решать его – не наше дело», – писал в это время М. Горький [Горький, 1953, с. 102]. В качестве основной литературной задачи ставится обучение «литературной грамоте, ремеслу писателя, технике дела, работе словом и работе над словом» [Там же]. Такой «ремесленный» подход к созданию литературного произведения по существу выводит его из сферы «большой литературы», относящейся к области эстетического словесного творчества. Однако вопрос о художественном качестве произведений не вошел в свод задач, ставившихся перед новой литературой. «Работа со словом и работа над словом» ограничивалась прагматикой идеологического воздействия на советского читателя. В «Литературной газете» этому посвящены материалы о работе литкружков, о читательских конференциях, о массовом литературном движении. Новосибирская газета в ряде своих публикаций пытается идти вровень со столичным изданием призывами к активному овладению «литературным делом» «ударников труда» и «передовых колхозников», надеясь достичь результатов уже к началу писательского съезда (подробно см.: [Якимова, 1994, с. 86–89]). В трех своих номерах «Литературная Сибирь» помещает «Программу учебно-творческих занятий литкружков», рецензирует произведения «литкружковцев», устраивает «смотры литературного движения» в областях и городах Сибири и практически во всех организациях, даже таких, как оборонная секция (заметка А. М. «Что делает оборонная секция» в № 2 (4) за 1934 г.).

Не ограничиваясь призывами и указами, «Литературная Сибирь» прибегает к «предъявлению счета культработникам», а подчас и к откровенным угрозам тем авторам, кто стремился сохранить творческую самостоятельность. Подобный «самотек» воспринимается одним из постоянных сотрудников газеты Н. Кудрявцевым как «копportunистическое либеральное убеждение в том, что оперативным, организованным подходом в таком деликатном деле, как художественное творчество, болезни не исправишь. При этом, – развивает свою мысль критик, – скептики и либералы напоминают всем известные истины – о вреде администрирования и (боже упаси!) командования. Но кто же против этого спорит. Конечно, не следует командовать... Однако... направлять, усиливать, вводить в необходимое для партии, для рабочего класса русло творческий процесс нужно. Как? Думаю, что опыт ведущих литературных организаций московской и ленинградской, где скептикам и умникам давно уже дали по рукам, следует нам в Сибири учесть» [Кудрявцев, 1934]. Несмотря на множество авторских оговорок, в статье доминирует именно командный тон. Цитируемая публикация – характерный пример категорического императивного высказывания. Такой тип публицистического дискурса в полной мере соответствовал «государственному канону, складывающемуся к началу 30-х годов» [Гюнтер, 2000], что чутко ощущалось в «массовой среде». Показательный пример этого явления – помещенные в газете материалы с читательских конференций. Так, в статье «Жить зажиточно – значит жить культурно», написанной от лица «конференции трех поколений» – «молодых и старых колхозников, комсомольцев и пионеров», – выражены коллективные требования к работникам культуры: «От киноработников мы требуем: дайте нам в колхозы хорошие картины с показом нашей колхозной работы, колхозных ударников»

⁵ Левченко М. Поэзия Пролеткульта: от авангарда к соцреализму // OpenstarTs. URL: <http://www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/2410/1/15.pdf> (дата обращения 29.06.2016).

комсомольцев. <...> От художников мы требуем дать нам поскорее хорошие плакаты о социалистическом строительстве, о жизни трудящихся за рубежом. ... Писатели пусть напишут про нашу работу хорошие книги. <...> Нет у нас до сих пор боевой колхозной песни – поем старые. <...> Пусть советские поэты-песенники дадут нам артельную боевую песню зажиточных колхозников. <...> От медработников и учителей требуем почаще нас навещать, помогать нам содержать дома в чистоте, прививать навыки культурной жизни. <...> ...Требуем от кооперации, чтобы она прислала нам побольше всяких товаров, ситцев, обуви, а также гармошек, книг, радио...» (Литературная Сибирь, 1934, № 1 (3)).

Своими императивами три поколения конференции указывают «культработникам» на их обслуживающую роль, чем дают понять, кто в стране хозяин, хотя содержание самих требований показывает не только отсутствие «зажиточности», но беднейшее состояние колхозной жизни, где нет ни одежды, ни обуви. Однако этот смысловой план остается скрытым за категорическим тоном публикации. Любопытна адамистская позиция авторов-колхозников, словно утративших вековые традиции ведения крестьянского хозяйства и ожидающих уроков домоводства «от медработников и учителей», в чем рельефно отразилась основа формирования социалистического быта. Приведенный газетный материал, пожалуй, ярче всего свидетельствует о смене культурного кода в советской стране, распространившейся на все сферы жизни.

Еще одно направление газеты связано с отношением к отечественному литературному наследию. Это статья Г. Вяткина о Тургеневе и Б. Шляева о Гоголе. Обе посвящены памятным датам: 50-летию со дня смерти Тургенева и 125-летию со дня рождения Гоголя. Ведущий мотив обеих публикаций – мотив «классовой ограниченности» великих писателей, творческая ценность которых, по мнению критиков, определяется предчувствием гибели «своего класса». Так, для Г. Вяткина творчество Тургенева – «лебединая песнь умирающей дворянской культуры» [Вяткин, 1933], для Б. Шляева «творчество Гоголя – цветы на могиле уходящего поместного мира» [Шляев, 1934]. Симптоматично, что статья о Тургеневе публикуется в первом номере газеты, тогда как статья о Гоголе – в последнем. Этим словно закрывается вопрос о ценности классической литературы в советской реальности, но одновременно прокладывается главное сюжетное русло новой литературы, что акцентировано многократным повторением прилагательного «новый» в статье Б. Шляева: «Гоголевская птица-тройка не вывезла крепостную, православную царскую Россию Собакевичей и Сквозник-Дмухановских. Мощный локомотив пролетарской революции стремительно ведет вперед – к социализму потомков сеченных Коробочками крепостных – колхозников и рабочих СССР. По воспетому Гоголем Днепру течет многовольная энергия новой гремящей жизни, и новые художники по-новому сложили песню о новом Днепре» [Там же].

В критической позиции обоих авторов можно увидеть способ творческого покаяния перед одержавшей победу властью. Как известно, Г. Вяткин (1885–1938) не принял Октябрьскую революцию, служил у А. В. Колчака: исполнял обязанности помощника управляющего Информационного бюро Временного Сибирского правительства, заведовал обзором печати при правительстве Колчака, сотрудничал в издаваемых в Омске газетах и журналах, таких как «Заря», «Единая Россия», «Отечество», «Возрождение». В 1920 г. Г. Вяткин был арестован и судим омским революционным трибуналом за сотрудничество с колчаковскими изданиями. Однако суд закончился амнистией с лишением избирательных прав на три года. То есть Г. Вяткину была дана возможность искупить вину на службе советской власти, чем он и воспользовался, работая в омских газетах «Рабочий путь», «Искусство», «Сибирь», а при переезде в Новосибирск – в журнале «Сибирские огни». О Б. Шляеве (1900–?) известно гораздо меньше. По сведениям, приведенным в книге «Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы)»

[Красильников и др., 2004, с. 306], он дважды исключался из компартии во время «чисток» (в 1929 и 1933 гг.) как «бывший белогвардеец-доброволец» и дважды восстанавливался, однако, как и Г. Вяткин, в 1930-х гг. был репрессирован⁶.

Публикуемые газетой литературные произведения своей тематикой практически полностью укладываются в провозглашаемый свод идеологических норм. Особым «послушанием» отличаются здесь авторы прозаических и драматургических текстов, сосредоточившиеся на общей теме новой Сибири как большой стройки. Ориентация на соцказ видна уже на уровне названий произведений: Ис. Гольдберг «Когда выбывает боец. Шахтерская новелла», В. Глебов. «Суровый рост», Н. Кудрявцев «Враги. Глава из повести “Трубоклады”», А. Кузнецова «Сказка о том, как Толя мост построил», Г. Пушкарев «Цех. Вторая картина из пьесы “Ошибка инженера Шацкого”» и др. Всерьез о поэтике этих произведений говорить невозможно по причине их низкого качества, в чем видно «ремесленное» отношение к литературе. «Строительный сюжет» поддерживается соответствующей подборкой иллюстраций – гравюр и фотографий, таких как «В шахте» и «Плавка» (линогравюры К. Баранова), «В кузнице» (гравюра на дереве Н. Нагорской), а также «Сталевары», «Ударный труд», «Домна ночью», «Землекопы», «Кемеровский коксохимкомбинат», «Сверххранний аэросев» и др. Авторство этих публикаций не указано.

В корпусе поэтических текстов, при их довлеющей низкосортности, можно все-таки отметить некоторое разнообразие. Так, например, художественной иллюстрацией отношения к литературе как к ремеслу служат строки стихотворения Вас. Непомнящих «Письмо другу»:

В этот час
Над рабочим поселком
Сирены
Голоса поднимают наперебой,

⁶ Авторы книги «Власть и интеллигенция...» со ссылкой на работу А. Л. Посадкова «Сибирские энциклопедисты: библиографические справки организаторов издания и основных работников редакции Сибирской советской энциклопедии» (Новосибирск, 2003) указывают годы жизни Б. Шляева (1900–1938) со знаком вопроса рядом с годом смерти. Сомнения исследователей относительно даты окончания жизни Шляева оказались небезосновательными. Как выясняется, в отличие от Г. Вяткина, расстрелянного в 1938 г. за контрреволюционную деятельность, Б. Шляеву удалось выжить. В 1950-х гг. он появился в Темрюке, где стал известен как искусствовед. По воспоминаниям знакомой его семьи О. Лебедевой, работал научным сотрудником в Темрюкском историко-археологическом музее, вел большую просветительскую и исследовательскую работу: читал лекции на искусствоведческие темы, изучал археологию, историю и природу Тамани, публиковался с научно-исследовательскими статьями не только в районной и краевой прессе, но и в федеральных изданиях. В его обширном архиве сохранились рукописи четырех глав из недописанной им книги «История Таманского полуострова» и еще масса материалов. «Когда Борис Александрович умер, его вдова предложила мне забрать архив мужа, но я жила стесненно, размещать его достояние было негде. Сейчас очень жалею о том, что отказалась, – сетует Ольга Лебедева. – По какой-то причине Темрюкский музей тоже не принял на хранение архив Шляева. Зинаида Николаевна определила его в историко-краеведческий музей Геленджика и, насколько я знаю, доступ к нему сейчас закрыт по просьбе родственников» (Чуприна Е. Несущие свет знаний // Орбита. URL: <http://orbitataman.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=2809> (дата обращения 01.07.2016)). Отказ Темрюкского музея принять архив Б. Шляева, закрытость к его доступу в музее Геленджика оставляет множество загадок в биографии сибирского критика, связанных с лагерным периодом и временем Великой Отечественной войны.

И к станку,
 в механический,
 в третью смену
Ты шагаешь с веселой,
Горластой гурьбой.

А меня в этот час
 Боевым приказаньем
Ремесло беспокойное
 Садит за стол:
Я, как токарь,
 Обтачиваю звучанья
Солеваром
 Сгущаю словесный рассол.

Друг мой!
 Мы делаем общее дело:
Над деталью машины
Склоняться тебе,
Я тружусь,
Чтоб хорошая песня пропела
О работе,
 победах,
 борьбе... [Непомнящих, 1933]

Перепевы тем и перифразы строчек Маяковского (ср.: «...Я себя / советским чувствую / заводом, / вырабатывающим счастье. <...> Я хочу / чтоб к штыку / приравняли перо...» («Домой»); «Труд мой / любому / труду / родствен...» («Разговор с фининспектором о поэзии»)⁷ и др.), как и «лестничная» форма стихотворения свидетельствуют о художественной вторичности этой части «Письма другу». Однако в начальных его строках чувствуется дыхание «чистой» поэзии:

Я окно распахнул...
 Замечательный воздух! –
Темносиний,
 прохладный,
 Тяжелый, как ртуть,
Он настоек
На радостных искристых звездах,
На черемуховом цветку.

Ах, черемухи!...
 Цвету-то, цвету!..
Все бело,
 Будто снова вернулась зима.
И сейчас вот
Роняют тяжелые ветви
Лепестки

На страницы письма... [Там же] (в цитате сохранена авторская орфография. – Е. П.).

⁷ Стихотворения Маяковского цитируются по [Маяковский, 1955].

В реминисцентное поле приведенных строк встраивается и «Сыплет черемуха снегом» Есенина, и «Распустилась черемуха в нашем саду» К. Р., и его же «Растворил я окно...» («Разлука»). Но, в отличие от средней части, здесь нет признаков прямого копирования. Хотя при анализе невольно напрашивается антитетическая параллель с «Разлукой», несмотря на то что в стихотворении К. Р. нет образа черемухи: в нем весенняя ночь овеивается «благовонным дыханьем сирени». Однако в стихотворении «Распустилась черемуха в нашем саду» образ черемухи соседствует с образом сирени: «Распустилась черемуха в нашем саду, / На сирени цветы благовонные...» [К. Р., 1994], что дает основание прочитывать оба стихотворения в едином образном контексте, тем более что написаны они с недельным промежутком: «Разлука» 13 мая 1885 г., а «Распустилась черемуха...» 21 мая того же года. Косвенным свидетельством произвольности нашего предположения о творческой перекличке «Письма другу» и «Разлуки» служит тот факт, что, положенная на музыку П. И. Чайковским, последняя давно стала известным романсом. Ведущий в «Разлуке» мотив грусти («Растворил я окно – стало грустно невмочь») у Вас. Непомнящих меняется на радостное созерцание ночного пейзажа, напоенного ароматом черемухи. За этой мотивной антитезой можно усмотреть идеологическую подоплеку: мотив радости жизни, труда у Вас. Непомнящих противопоставлен мотивам грусти, тоски, разлуки в стихотворении К. Р., что должно символизировать кардинальную перемену существования в советской стране. То есть своим стихотворением Непомнящих вступает не только в творческий диалог с поэтом К. Р., но одновременно и в идеологический поединок с К. Р. как великим князем – представителем царской династии России. Так «Письмо другу» приобретает победный социальный пафос.

В плане формы показательно, как Вас. Непомнящих пытается «осовременить» традиционный анапест, разложив его «лесенкой», придать ему авангардный вид и более энергичное звучание – по образцу поэзии Маяковского. Если для средней, «производственной» части этот прием можно признать подходящим, то в начальной («Я окно распахнул...») он воспринимается как авторское насилие, создающее впечатление диссонанса между формой и содержанием. Возможно, такая организация строк послужила для Непомнящих способом дистанцирования от стихов К. Р., также написанных анапестом, с чередованием трех- и четырехстопности:

Растворил я окно – стало грустно невмочь –
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени («Разлука») [К. Р., 1994].

Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные;
Задремали деревья... Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные («Распустилась черемуха...») [Там же].

Из довольно серого в целом – и по тематике, и по художественному достоинству – поэтического материала особенно выделяется стихотворение Э. Багрицкого «ТВС» (1929), помещенное рядом с посвященным ему некрологом «Большой поэт» в 4(6) номере газеты за 1934 г. [Багрицкий, 1934]. Главный акцент в статье делается на несвоевременной смерти поэта, умершего от «гриппозного воспаления легких, соединенного с давней астмой», «в годы творческого расцвета», когда он преодолел в себе «ряд предрассудков, свойственных мелкобуржуазной интеллигенции» и «до конца» осознал себя «поэтом наступающего социализма». В перечне признаков «творческого расцвета» числятся простота «органически-

революционной» формы, доступность содержания стихов Багрицкого. Однако публикуемое в качестве иллюстрации выдвинутых тезисов стихотворение «ТВС» и по форме, и по скрытому смыслу вступает с ними в противоречие. Возможно, известные его строчки «Оглянешься – а вокруг враги; / Руки протянешь – и нет друзей; / Но если он скажет: “Солги”, – солги; / Но если он скажет “Убей”, – убей», встроенные в монолог Дзержинского, были восприняты с классовой позиции как способ простого решения трудных нравственных вопросов. К тому же чуть позднее они стали перекликаться с известной формулой Горького «Если враг не сдается, – его уничтожают». Статья под таким названием была опубликована 15 ноября 1930 г. сразу в двух центральных газетах: в «Правде» и в «Известиях» – в последнем случае в несколько измененном варианте: «Если враг не сдается, – его истребляют». В том же 1930 г. вышли два издания: отдельная брошюра под названием «Если враг не сдается, – его уничтожают» и сборник публицистических статей Горького с тем же названием. Полностью фраза звучит так: «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей; и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, – его истребляют» (Правда, 1930, № 314, 15 нояб.). Повторенные впоследствии во многих речах советских идеологов и подкрепленные авторитетом Горького, эти слова послужили оправданием репрессий и массовых «чисток» 1930-х гг.

В «ТВС» Багрицкий обыгрывает балладный сюжет явления мертвеца / беседы с мертвецом, не раз варьируемый в революционной поэзии в варианте разговора с портретом («Разговор с товарищем Лениным», «О дряни» Маяковского). Лирическому герою стихотворения в бредовом туберкулезном видении («...на ткани полезла ржа; / Значит: озноб, духота, жар») является умерший к тому времени Дзержинский: «Прямо с простенка не он ли, не он / Выплыл из воспаленных знамен? / Выпятив бороду, щурясь слегка / Едким глазом из-под козырька». Однако состояние «болезни к смерти», в котором пребывает герой, лишает убедительности приведенные выше заклинания главного чекиста. Сама взвинченная, болезненная интонация стихотворения, куда встраивается и речь Дзержинского, оспаривает его ведущий тезис: «Да будет почетной участь твоя; / Умри, побеждая, как умер я».

Сюжетной организацией с ведущим в ней мотивом бреда «ТВС» сближается не столько с названными выше произведениями Маяковского, отмеченными прямым революционным пафосом, сколько с повестью Зазубрина «Щепка» (1923), где главный герой – чекист Срубов находится в мятущейся духовной позиции и в итоге сходит с ума. Общим для обоих произведений становится их болезненный фон, в котором у Зазубрина существует Срубов, а у Багрицкого не только лирический герой, но и Дзержинский: «Жилка о висок / Глуше и осторожней бьет. / (Значит, из пор, как студёный сок, / Медленный проступает пот)».

Общими элементами сюжета обоих произведений являются картины чекистских будней и чекистской расправы – развернутые в «Щепке» на многие страницы и сжатые до нескольких поэтических строк в «ТВС». Сравним два показательных в плане межтекстовой переклички фрагмента.

«Щепка»: «До кабинета Срубов шел очень долго. В кабинете заперся. Повернул ключ и внимательно посмотрел на дверную ручку – чистая, не испачкана. Оглядел у лампы руки – крови не было. Сел в кресло и сейчас же вскочил, нагнулся к сиденью – тоже чистое» [Зазубрин, 1990, с. 50].

«ТВС»: «В крови, в чернилах квадрат сукна, / Ржавчина перьев, бумаги клоч / – Всё друга и недруга стерегло. / Враги приходили – на тот же стул / Садились и рушились в пустоту. / Их нежные кости сосала грязь. / Над ними захлопывались рвы. / И подпись на приговоре вилась / Струей из простреленной головы».

Схожим является и унылый бытовой фон обоих произведений:

«Щепка»: «Бледной лихорадкой лихорадило луну. И от лихорадки, и от мороза дрожала луна мелкой дрожью. И дрожащей, прозрачно-искристой дымкой вокруг нее ее дыхание. Над землей оно сгущалось облаками грязноватой ваты... На дворе в молоке тумана рядами горбились зябко-синие снежные сугробы. В синем снегу, лохмотьями налипшем на подоконники, лохмотьями свисавшем с крыш, посинели промерзшие белые трехэтажные многоглазые стены» [Зазубрин, 1990, с. 48].

«ТВС»: «Солнце спускается по стене. / Кошкам на ужин в помойный ров / Заря разливает компотный сок. / Идет знаменитая тишина. / И вот над уборной из досок / Вылазит неприбранная луна».

Есть в «Щепке» и беседа с призраком, однако не в плане революционной апологии, как у Маяковского, а открытой полемики:

«Маркс на стене выпятил белую грудь сорочки. [Срубов] увидел – разозлился. – Белые сорочки, товарищ Маркс, черт бы вас побрал» [Зазубрин, 1990, с. 50].

Конечно, сомнения героя-расстрельщика в «Щепке», утратившего решимость в отношении к своей «профессии», не идут в сравнение с сомнениями лирического героя «ТВС», у которого нет сил пойти на «собрание рабковского кружка». Здесь, скорее, выстраивается параллель с образом Дзержинского, оправдывающего свою кровавость революционной необходимостью: «О мать революция! Не легка / Трехгранная откровенность штыка». Рассказ Зазубрина заканчивается видением героя, где революция выведена в красках «Хождения Богородицы по мукам» (подробно см.: [Проскурина, 2002]): «...оборванная, в серо-красных лохмотьях, во вшивой грубой рубаше, крепко стояла Она босыми ногами на великой равнине, смотрела на мир зоркими гневными глазами» [Зазубрин, 1990, с. 91]. Мотив революционного мщения становится еще одной «точкой сборки» обоих произведений.

Трудно сказать определенно, знал ли Багрицкий повесть Зазубрина. После ее создания писатель отправил рукопись в Москву через В. Правдухина для публикации в «Вехах Октября», о чем писал Ф. Березовскому [Проскурина, 1994, с. 63]. И хотя напечатать в 1920-х гг. «Щепку» не удалось, можно предположить, что ее хорошо знали в столичных литературных кругах. Но и в том и в другом случае при параллельном чтении с зазубринской повестью «ТВС» прочитывается как ее семантическая квинтэссенция.

Стихотворение Багрицкого, при его внешней размерности, отличается повышенной экспрессия, выраженная через «рваный», меняющийся ритм, короткую фразу. Его стих словно просится быть разбитым в «лесенку»:

...Домой до вечера. Тишина.
Солнце кипит в каждом кремне.
Но глухо, от сердца, из глубины,
Предчувствие кашля идет ко мне.

И сызнава мир колюч и наг:
Камни – углы, и дома – углы;
Трава до оскомины зелена;
Дороги до скрежета белы...

Как и в случае со стихотворением Вас. Непомнящих, в «ТВС» тоже можно говорить о несоответствии формы и содержания, только в обратном смысле. Традиционный ритм «Письма другу» не совпадает с его «лестничной» организацией,

тогда как традиционная форма «ТВС» «противится» его внутреннему ритму, конфликтует с ним, стремится к авангардной разреженности строки.

Следует отметить, что своей стилистикой «ТВС» также перекликается с зазубринским текстом, характерной особенностью которого является экспрессивность, лапидарность, упругость стиля, сближающие его с поэтикой авангардизма.

Если тематически в «ТВС» утверждается дело революции как дело тяжелое, но правое – по той же логике, что у Маяковского в строчках: «Товарищ Ленин, работа адская будет сделана и делается уже» (после видения Дзержинского герой Багрицкого собирается с силами и идет-таки «на заседание рабкоровского кружка»), – то образный и мотивный слои текста это утверждение подрывают как бы изнутри, из его поэтической плоти. Содержательное пространство стихотворения оказывается глубже считываемого смысла.

К сказанному хотелось бы добавить, что в «ТВС» Багрицкий опередил современников метафорическими характеристиками своего века: «век-часовой» («А век поджидает на мостовой, / Сосредоточен, как часовой») перекликается с мандельштамовским «веком-волкодавом» («За гремучую доблесть грядущих веков...», 1931, 1935), а в образе грозного человека с усами угадывается образ Сталина («Я тоже почувствовал тяжкий груз / Опушенной на плечо руки. / Подстриженный по-солдатски ус / Касался тоже моей щеки»), как позже в известном стихотворении того же Мандельштама «Мы живем, под собою не чуя страны» (1933), ставшего для поэта роковым: «Его толстые пальцы, как черви, жирны, / И слова, как пудовые гири, верны, / Тараканы смеются усища, / И сияют его голенища» [Мандельштам, 1995, с. 226]. Это, пожалуй, единственный случай за всю историю газеты, когда художественный текст, выбранный в качестве подтверждения редакционных идеологических императивов, вступает в противоречие с заданными рамками интерпретации.

В одной статье нет возможности в полной мере описать содержание газеты «Литературная Сибирь». Мы остановились на наиболее интересных и показательных ее материалах, достаточных для того, чтобы дать представление об этом редком издании с короткой историей существования. Тем не менее в нем оказались отражены основные тенденции литературной жизни начала 1930-х гг. накануне Первого съезда советских писателей. Основной корпус газетных публикаций служит новым подтверждением того, что, по существу, к началу съезда соцреалистический канон был уже сформирован не только в центре страны, но и в таком дальнем ее регионе, как Сибирь.

Список литературы

- 27 сентября 1933 года // Литературная Сибирь. 1933. № 1, 27 сент. С. 1.
Багрицкий Э. ТВС // Литературная Сибирь. 1934. № 4(6). С. 2.
Вьюгин В. «Способностей не имею...». Читатель «Литературной учебы», 1930–1934: социальный портрет в письмах // Неприкосновенный запас. 2013. № 4(90).
Вяткин Г. Великий художник (По поводу 50-летия со дня смерти И. С. Тургенева) // Литературная Сибирь. 1933. № 1.
Гастев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9-10.
Горький М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 25. М., 1953.
Гюнтер Х. Художественный авангард и социалистический реализм // Соцреалистический канон. СПб., 2000. С. 101–108.
Динамов С. Москва – боевая тема творческой перестройки // Литературная газета. 1933. № 32, 11 июля. С. 1.

- Жилякова Н. В.* К истории томского журнала «Силуэты жизни родного города» (1909) – «Силуэты Сибири» (1910) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 2. С. 147–160.
- Зазубрин В.* Щепка // Зазубрин В. Общежитие. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. С. 34–91.
- К. Р.* Времена года. Избранное. СПб.: Северо-Запад, 1994.
- Корниенко Н.* «Пролетарская Москва ждет своего художника» (К творческой истории романа) // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 1999. С. 357–371.
- Костов Х.* Мифопоэтика Андрея Платонова в романе «Счастливая Москва». Helsinki: Helsinki Univ. Press, 2000.
- Красильников С. А., Пыстина Л. И., Пащенко Л. С.* Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы). Новосибирск: Сова, 2004.
- Кудрявцев Н.* Напишем коллективную книгу о Сталинске // Литературная Сибирь. 1934. № 1(3), 10 янв.
- Левченко М. А.* Поэзия Пролеткульта: Идеология и риторика революционной эпохи: Автореф. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.
- Мандельштам О.* Полное собрание стихотворений. СПб.: Акад. проект, 1995.
- Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Худож. лит., 1955.
- Надымов Н.* Против равнодушия // Литературная Сибирь. 1934. № 5(7), 26 марта.
- Непомнящих Вас.* Письмо другу // Литературная Сибирь. 1933. № 1, 27 сент. С. 2.
- Проскурина Е. Н.* Газета «Литературная Сибирь» 1933–1934 гг. (С приложением библиографии) // Критика и критики в литературном процессе Сибири XIX–XX вв. Новосибирск: Наука, 1990. С. 171–188.
- Проскурина Е. Н.* Неопубликованные письма В. Я. Зазубрина // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 61–67.
- Проскурина Е. Н.* Конфликт двух миров в творческой судьбе В. Я. Зазубрина // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Памяти Ю. С. Постнова. Новосибирск, 2002. С. 159–174.
- Проскурина Е. Н.* Фаустиана Андрея Платонова (на материале прозы 1920-х – 1930-х годов). М.: Новый хронограф, 2015.
- Пятилетие «Сибирских огней». Торжественное заседание, посвященное пятилетию журнала «Сибирские огни», 21 марта 1927 г. в Новосибирске: Стенограмма // Сибирские огни. 1927. № 2.
- Шляев Б. Н. В.* Гоголь. К 125-летию со дня рождения // Литературная Сибирь. 1934. № 7(9).
- Якимова Л. П.* Литературная критика «Сибирских огней» в 30-е годы // Якимова Л. П., Соболевская Н. Н., Бальбуров Э. А., Юдалевич Б. М. Литературная критика журнала «Сибирские огни». 20–80-е годы. Новосибирск, 1994. С. 74–149.
- Яранцев В.* Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России, 2012.

Список источников

- Литературная газета. 1933.
Литературная Сибирь. 1933–1934. № 1–7(9).
Правда. 1930.

E. N. Proskurina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation; motive@philology.nsc.ru*

**«Literaturnaya Sibir» (1933–1934):
to the issue of forming the socialist realist canon**

The paper considers the history of a little-known Siberian newspaper «Literaturnaya Sibir» («The Literary Siberia») printed in Novosibirsk from 1933 to 1934. It can be attributed to so-called «phantom» editions mostly known by their titles rather than by their contents by virtue of their inaccessibility. The reasons for creating «Literaturnaya Sibir» and its short publication life are analyzed. The paper examines the contents of the edition and describes the circle of its authors. It is pointed that in the overall textual space of the newspaper, the literary criticism prevailed where the main importance was attached to the appealing articles, written in accordance with the common agonal model of writing. It is revealed that the purpose of the directory function of such publications was to campaign for creating literary works about «new socialist Siberia». The comparative analysis of the writings of «Literaturnaya Sibir» and certain editions of «Literaturnaya Gazeta» («The Literary Newspaper») of the corresponding periods leads to the conclusion that the Siberian edition appeared as a tracing paper of the metropolitan one: the both were aimed at preparing the First Congress of Soviet Writers and at creating the writings about the new image of the capital («Literaturnaya Gazeta») and the Siberian region («Literaturnaya Sibir»). Meanwhile, the subject parallels found in these editions demonstrate the cultural and ideological vertical being actively formed: from the metropolis to regions. The Novosibirsk newspaper takes up the metropolitan initiative to call «shock-workers» to literature. In a number of its publications, «Literaturnaya Sibir» tries to keep the pace of «Literaturnaya Gazeta» by calling both «shock-workers» and «foremost collective farmers» to master actively the «literary business», hoping to achieve the results by the beginning of the Congress of Writers. It is symptomatic that on the pages of the newspaper no question of the artistic value of literary works was raised. The analysis of the literary texts published in «Literaturnaya Sibir» showed that in fact their subject area completely followed the enunciated ideological guideline. The particular «obedience» characterized the authors of prose and drama concentrated on the common subject of new Siberia as a huge building work. As a result, the research leads to the conclusion that «Literaturnaya Sibir» is found to have reflected the basic tendencies of literary life early in the 1930s just before the First Congress of Writers. The publications in the newspaper serve as another proof that by the beginning of the Congress the socialist realism canon had already been basically formed not only in the centre of the country but also in such a distant region as Siberia. Freedom of creation in literature specifically in avant-garde came to the end in the 1920s.

Keywords: Siberian periodicals, newspaper «Literaturnaya Sibir», literary avant-garde, socialist realism, agonal rhetoric, journalistic discourse.

DOI 10.17223/18137083/58/5

References

- 27 sentjabrja 1933 goda [27 Sep 1933]. *Literaturnaya Sibir*'. 1933, no. 1.
Bagritskiy E. TBC [TBC]. *Literaturnaya Sibir*'. 1934, no. 4(6), p. 2.
Gastev A. O tendentsiyakh proletarskoy kul'tury [On the tendencies of proletarian culture]. *Proletarskaya kul'tura*. 1919, no. 9-10.
Gor'kiy M. *Sobranie sochineniy: V 30 t. T. 25* [Collection of works: in 30 vols. Vol. 25]. Moscow, 1953.
Gunther, Hans F. K. Khudozhestvennyy avangard i sotsialisticheskiy realizm [The artistic avant-garde and socialist realism]. In: *Sotsialisticheskiy kanon* [The Socialist realism canon]. St. Petersburg, 2000, pp. 101–108.
Dinamov S. Moskva – boevaya tema tvorcheskoy perestroyki [Moscow – the battle theme of creative perestroika]. *Literaturnaya gazeta*. 1933, no. 32, p. 1.

- Kornienko N. "Proletarskaya Moskva zhdet svoego khudozhnika" (K tvorcheskoy istorii romana) [Proletarian Moscow is waiting for his artist (To the creative history of the novel)]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: Problemy tvorchestva*. Vyp. 3 ["Country of philosophers" by Andrei Platonov: problems of art. Iss. 3]. Moscow, IMLI RAN, Naslediye, 1999, pp. 357–371.
- Kostov Kh. Mifopoetika Andrey Platonov v romane "Schastlivaya Moskva" [Mythopoeics of Andrei Platonov's novel "Happy Moscow"]. Helsinki, Helsinki Univ. Press, 2000.
- K. R. *Vremena goda. Izbrannoe* [Times of the year. Favorites works]. St. Petersburg, Severo-Zapad, 1994.
- Krasil'nikov S. A., Pystina L. I., Pashchenko L. S. *Vlast' i intelligentsiya v sibirskoy provintsi (1933–1937 gody)* [Authority and Intellectuals in the Siberian province (1933–1937)]. Novosibirsk, Sova, 2004.
- Kudryavtsev N. Napisem kollektivnuyu knigu o Stalinske [Let's write a collective book about Stalinsk]. *Literaturnaya Sibir'*, 1934, no. 1(3).
- Levchenko M. A. *Poeziya Proletkul'ta: Ideologiya i ritorika revolyutsionnoy epokhi* [Poetry of Proletkult: from avant-garde to socialist realism]. Abstract of Philol. Cand. Diss. St. Petersburg, 2001.
- Mandel'shtam O. Polnoe sobranie stikhotvoreniy [Complete works]. St. Petersburg, Akad. proekt, 1995.
- Mayakovskiy V. V. *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1955.
- Nadymov N. Protiv ravnodushiya [Against indifference]. *Literaturnaya Sibir'*, 1934, no. 5(7).
- Nepomnyashchikh Vas. Pis'mo drugu [A letter to a friend]. *Literaturnaya Sibir'*, 1933, no. 1, p. 2.
- Proskurina E. N. Gazeta "Literaturnaya Sibir'" 1933–1934 gg. (S prilozheniem bibliografii) [Newspaper "Literary Siberia" 1933–1934 (With bibliography application)]. In: *Kritika i kritiki v literaturnom protsesse Sibiri XIX–XX vv.* [Criticism and critics in the literary process of Siberia 19–20 centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1990, pp. 171–188.
- Proskurina E. N. Neopublikovannye pis'ma V. Ya. Zazubrina [Unpublished letters of V. Ya. Zazubrin]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 1994, no. 4, pp. 61–67.
- Proskurina E. N. Konflikt dvukh mirov v tvorcheskoy sud'be V. Ya. Zazubrina [The conflict of two worlds in the creative life of V. Ya. Zazubrin]. In: *Sibir'. Literatura. Kritika. Zhurnalistska. Pamyati Yu. S. Postnova* [Siberia. Literature. Criticism. Journalism. To the memory of Ju. S. Postnov]. Novosibirsk, 2002, pp. 159–174.
- Proskurina E. N. *Faustiana Andrey Platonov (na materiale prozy 1920-kh – 1930-kh godov)* [Faustiana of Andrey Platonov (based on the prose of the 1920–30s)]. Moscow, Novyy khronograf, 2015.
- Pyatiletie "Sibirskikh ogney". Torzhestvennoe zasedanie, posvyashchennoe pyatiletiyu zhurnala "Sibirskie ogni", 21 marta 1927 g. v Novosibirske: Stenogramma [Five years of "Siberian lights". Inaugural meeting of five years of "Siberian lights". 27 March 1927 in Novosibirsk. Transcript]. *Sibirskie ogni*. 1927, no. 2.
- Shlyayev B. N. V. Gogol'. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya [N. V. Gogol. To 125-anniversary of birthday]. *Literaturnaya Sibir'*. 1934, no. 7(9).
- Vyatkin G. Velikiy khudozhnik (Po povodu 50-letiya so dnya smerti I. S. Turgeneva) [A great artist (On the occasion of the 50th anniversary since the death of I. S. Turgenev)]. *Literaturnaya Sibir'*. 1933, no. 1.
- V'yugin V. "Sposobnostey ne imeyu...". Chitatel' "Literaturnoy ucheby", 1930–1934: sotsial'nyy portret v pis'makh ["Abilities, I do not have...". The Reader «Literary studies», 1930–1934: a social portrait in letters]. *Debates on politics and culture (New literary observer)*. 2013, no. 4(90).
- Yakimova L. P. Literaturnaya kritika "Sibirskikh ogney" v 30-e gody [Literary criticism of "Siberian lights" in the 30s]. In: Yakimova L. P., Sobolevskaya N. N., Bal'burov E. A.,

Yudalevich B. M. *Literaturnaya kritika zhurnala "Sibirskie ogni". 20–80-e gody* [Literary criticism of "Siberian lights" in the 20–80s]. Novosibirsk, 1994, pp. 74–149.

Yarantsev V. Zazubrin. *Chelovek, kotoryy napisal «Shchepku»* [Zazubrin. The man who wrote «Sliver»]. Novosibirsk, RITs NPO Soyuz pisateley Rossii, 2012.

Zazubrin V. Shchepka [Sliver]. In: Zazubrin V. *Obshchezhitie* [The hostel]. Novosibirsk, Novosib. kn. izd., 1990, pp. 34–91.

Zhilyakova N. V. K istorii tomskogo zhurnala "Siluety zhizni rodnogo goroda" (1909) – "Siluety Sibiri" (1910) [The history of Tomsk journal "Silhouettes the life of his native city" (1909)]. *Tomsk State University Journal*. 2016, no. 2, pp. 147–160.

List of sources

Literaturnaya gazeta. 1933.

Literaturnaya Sibir'. 1933–1934, no. 1–7(9).

Pravda. 1930.